

Когда произошла эта сцена, все присутствующие гости просто опешили. Первой, вскрикнув от удивления, оказалась старшая госпожа Янь:

— Как это возможно? Разве ты не стал инвалидом, Янь Цзиньюнь? Разве ты не должен был провести всю жизнь, не вставая с кресла?

Янь Минцзюэ тоже пришел в себя и, указывая пальцем на Янь Цзиньюня, закричал в ярости:

— Янь Цзиньюнь, ты нас водил за нос!

В этот момент Цзи Исянь приступил к делу. Он с невероятным удивлением посмотрел на Янь Минцзюэ и сказал:

— Старший брат, ты какой-то странный. Цзиньюнь не инвалид, он совершенно здоров и нормален, как все люди. Ты не радуешься за него, а наоборот злишься. Неужели ты хотел, чтобы он стал инвалидом? Неужели? Вы же росли вместе с малых лет, вы не родные братья, но двоюродные, которые ближе, чем родные! Как ты мог так подумать?

— И еще тетушка, разве ты не всегда говорила, что относишься к Цзиньюню как к родному сыну? Почему же ты не радуешься за него, а наоборот скрипишь зубами от злости? — Цзи Исянь прямо указал на отвратительные физиономии Янь Минцзюэ и старшей госпожи Янь.

Услышав слова Цзи Исяня, Янь Минцзюэ наконец осознал, что Янь Цзиньюнь водил его за нос, как обезьяну. Кипящая в сердце ненависть лишила его возможности контролировать свои эмоции.

В конце концов Янь Чжихуэй заметил, что ситуация выходит из-под контроля, и вышел сглаживать углы:

— Цзиньюнь, если ты не инвалид, почему не сказал нам об этом раньше? Родного дядю тоже решил обмануть?

— Дядя, ты неправильно понял, — перед людьми Янь Цзиньюнь все же должен был сохранить лицо, тем более сегодня был день похорон старейшины Янь. — Сначала я тоже думал, что не смогу встать на ноги всю жизнь. Но когда на днях пошел в больницу на повторный осмотр, врач сказал, что мои ноги выздоровели. Я не говорил об этом, потому что хотел сделать тебе сюрприз, дядя, а также чтобы ты не волновался обо мне понапрасну.

— Ладно, раз здоров — и хорошо, здоров — и хорошо, — на лице Янь Чжихуэя была улыбка, но в глазах читалась злоба. — Ну ладно, раз ты здоров, тогда и неси портрет дедушки. Сейчас самое важное — это сам старейшина.

— Дядя прав, ты меня вразумил.

...

Время пришло, и процессия двинулась на кладбище. Янь Цзиньюнь шел впереди всех, неся портрет, а за ним следовали Янь Чжихуэй и другие люди, несшие гроб.

Цзи Исянь и прочая молодежь шли сзади. Лицо Янь Минцзюэ в этот момент так дергалось от злости, что двигались даже мышцы. Цзи Исянь специально подошел к нему поближе, чтобы подлить масла в огонь.

— Ну как? Я же тебе говорил: тридцать лет — восток, тридцать лет — запад. Говорил не радоваться слишком рано, ты все равно не послушал.

— Пусть он и не инвалид, а что с того? На следующем месяце на собрании акционеров корпорации «Яньши» он все равно будет сидеть на скамейке запасных, — сквозь зубы прошипел Янь Минцзюэ. Если бы взгляды могли убивать, Цзи Исянь был бы уже мертв тысячу раз.

Цзи Исянь сейчас развлекался тем, что злил Янь Минцзюэ. Только что реакция Янь Минцзюэ уже заставила всех присутствующих родственников и гостей подозревать неладное. Самое страшное в этом мире — это слухи и сплетни.

Стоит появиться малейшему намеку, как они разлетятся далеко и широко, людское любопытство будет разжжено, и тогда лицемерная маска семьи Янь Минцзюэ будет сорвана, обнажив их истинную злобную и грязную сущность.

— Ты все никак не можешь взять в толк? Я же говорил тебе: не радуйся раньше времени. Берегись, а то в итоге на скамейке запасных окажешься ты сам. Хотя, по-моему, люди вроде тебя даже не достойны сидеть там.

— Цзи Исянь!

— Чего орешь? Не любишь слушать правду? — тихо провоцировал его Цзи Исянь. — Тогда давай я расскажу тебе ложь. Я считаю, ты действительно очень способный, жаль только, что сил у тебя много, а мозгов нет. Сколько бы ни старался — всё впустую.

— Если бы я был на твоём месте, я бы честно жил как богатый бездельник, на иждивении родителей. Разве плохо быть мотылем? Если нет алмазной сверлилки, не берись за фарфоровую посуду. Осознание своего веса и возможностей — это тоже признак эволюции человека как высшего вида.

— Но я думаю, у тебя нет настолько высокого уровня осознанности, иначе тебя бы не крутили как хотели. Каково это — чувствовать себя обезьяной, за которой наблюдают? Наверняка очень приятно?

— Знаешь ли, мое настроение сейчас точно такое же, как в детстве, когда я ходил в цирк смотреть на выступление обезьян.

Цзи Исянь выплеснул на него поток слов, доведя Янь Минцзюэ до полусмертного состояния, а потом юркнул в конец процессии.

Старейшину Янь похоронили, тело предали земле, и похороны можно было считать успешно завершёнными. Когда все собрались уходить, Янь Цзиньюнь схватил Цзи Исяня за руку.

— Погоди.

— Хорошо.

Все остальные ушли вместе с основной группой, а Янь Цзиньюнь и Цзи Исянь еще постояли перед могильной плитой старейшины Янь, пока все не спустились вниз.

Янь Цзиньюнь потянул Цзи Исяня вниз, и оба опустились на колени:

— Дедушка, прости меня. Сегодня на твоих похоронах произошел скандал, надеюсь, ты не сердишься на меня. Человек рядом со мной — это тот, кого ты выбрал мне в пару. Я очень доволен, в будущем я буду дорожить им. Ты можешь быть спокоен.

Когда Янь Цзиньюнь закончил, Цзи Исянь сам по себе трижды ударился лбом о землю и сказал:

— Дедушка, я Цзи Исянь. Хотя мы виделись с вами только один раз, прошу, верь мне. В будущем я буду заменять тебя заботиться о Янь Цзиньюне. Теперь рядом с ним буду я, я буду защищать его и не позволю никому его обижать. Если ты знаешь об этом под землей, прошу, благослови Янь Цзиньюня на мир и во всем удачу.

Цзи Исянь говорил очень искренне, а в конце даже сделал жест, указывая на небо, словно клялся:

— Если я соврал, пусть меня поразит гром и молния.

— Что ты чушь несешь? — увидев, что Цзи Исянь снова начал говорить глупости, Янь Цзиньюнь косо посмотрел на него. — Не вешай эти неприятные слова на язык.

— Ага.

...

Они остались на кладбище вдвоем, и это не вызвало удивления у других родственников, все просто решили, что Янь Цзиньюню слишком тяжело на душе.

Рядом со старейшиной Янь находилась могильная плита родителей Янь Цзиньюня. Янь Цзиньюнь встал и повел Цзи Исянь к могилам родителей.

Янь Цзиньюнь присел на корточки и вытер пыль с фотографий на надгробиях. Когда пыль была стерта, Цзи Исянь разглядел лица родителей Янь Цзиньюня.

Они умерли довольно рано, поэтому на портретах они выглядели очень молодыми, им было чуть больше тридцати. Неизвестно, кто выбрал эти фотографии, но на них оба улыбались так счастливо, словно только что поженились.

Особенно мама Янь Цзиньюня. Даже одной фотографии было достаточно, чтобы понять, что при жизни она была яркой красавицей.

«Дочка похожа на папу, сын — на маму», эта поговорка вполне подходила к Янь Цзиньюню. Он был очень похож на мать, особенно глазами.

— Папа, мама, дедушка, наверное, уже воссоединился с вами. Не волнуйтесь обо мне, я буду хорошо заботиться о себе и отомщу за вас. Сегодня я просто хотел заодно сообщить вам одну вещь: ваш сын женился, и его партнер — очень хороший человек.

— Прошло столько лет, если на самом деле существует перерождение, то вы, должно быть, скоро снова станете родителями. Я правда очень скучаю по вам, особенно теперь, когда дедушки тоже нет, — говоря это, Янь Цзиньюнь покраснел вокруг глаз.

Увидев это, Цзи Исянь немедленно стал утешать Янь Цзиньюня:

— Не грусти, наши родители точно не хотели бы видеть тебя печальным. Я же только что

говорил, теперь рядом с тобой буду я, я буду сопровождать тебя. Папа, мама, можете спокойно передать Янь Цзиньюня мне, я буду хорошо относиться к нему, обещаю.

Слушая прямые, но твердые обещания Цзи Исяня, на душе у Янь Цзиньюня стало легче.

В это время Янь Цзиньюнь и Цзи Исянь все еще были на кладбище, а остальные уже спустились к подножию горы, собрали вещи и готовились к возвращению.

У старшей госпожи Янь и так было зло на душе, а теперь еще пришлось стоять в жару у подножия горы в ожидании, и она потеряла терпение:

— Что они там делают, Цзиньюнь и Цзи Исянь? Заставляют всех ждать. Дома полно гостей, которых нужно принимать!

— Если Цзиньюню тяжело на душе, пусть он побудет там один, ничего страшного. Его родители рано умерли, его всегда растил старейшина, а теперь старейшины тоже нет, могилы родителей рядом, ему наверняка непросто, — другие родственники, видя, что старшая госпожа Янь нетерпеливо ворчит, были недовольны и высказались в защиту Янь Цзиньюня. — Мы подождем немного, какая это проблема? В худшем случае на обратном пути погоним быстрее.

— Хм! — Раз родственники и старшие выступили в защиту Янь Цзиньюня, старшей госпоже Янь пришлось замолчать.

Похоронная процессия еще не вернулась с кладбища, а в особняке семьи Янь семья отца Цзи наконец-то появилась с большим опозданием.

<http://bllate.org/book/16731/1539132>